

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2017 г. Т. С. Ганенкова
г. Москва, Россия

О ЯЗЫКОВОЙ И ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ СТАРООБРЯДЦЕВ СУВАЛЬСКО-СЕЙНЕНСКОГО И АВГУСТОВСКОГО РАЙОНОВ ПОЛЬШИ И ЛАТГАЛИИ

Статья написана при поддержке гранта РФФИ 16-18-02080 «Русский язык как основа сохранения идентичности старообрядцев Центральной и Юго-Восточной Европы»

Аннотация: В статье сравниваются языковая и этнолингвистическая ситуации старообрядцев-беспоповцев Польши (Сувальско-Сейненский и Августовский районы) и Латгалии (основной район проживания старообрядцев в Латвии), которые, несмотря на общее происхождение этих двух общин, развиваются совершенно по-разному в силу различных исторических и социальных условий. В качестве материала для анализа используются данные, собранные в ходе полевых исследований в мае, октябре 2016 г. (частично — из экспедиций 2017 г.) в Сувальско-Сейненском и Августовском районах Польши и Латгалии (основной район проживания старообрядцев в Латвии), а также результаты других исследований. На основе сравнения диалектов и сохранившихся народных традиций в указанных регионах делается вывод об общем северно-русском происхождении исследуемых общин старообрядцев. Анализ исторических и социоллингвистических условий, а также современного состояния говора, традиционной культуры и связанных с ними вопросов идентичности старообрядцев в Польше и Латгалии показывает, как по-разному складывалась их судьба с конца XIX в. и к какой различной языковой и этнолингвистической ситуации это привело.

Ключевые слова: старообрядцы, диалект, языковая ситуация, традиционная культура, идентичность, Польша, Латвия.

Информация об авторе: Татьяна Сергеевна Ганенкова — кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт славяноведения Российской академии наук, Ленинский пр., д. 32 А, корп. В, 119991 г. Москва, Россия. E-mail: tatianaganenkova@gmail.com.

Дата поступления статьи: 09.07.2017

Дата публикации: 15.12.2017

Цель настоящей статьи — сравнительный анализ языковой, социоллингвистической и этнолингвистической ситуации старообрядцев-беспоповцев Польши (Сувальско-Сейненский и Августовский районы) и Латгалии (основной район проживания старообрядцев в Латвии), которые, несмотря на общее происхождение этих двух общин, развиваются совершенно по-разному в силу различных исторических и социаль-

ных условий. В работе используются данные, собранные в ходе полевых исследований в Польше (Сувальско-Сейненский и Августовский районы, 19 информантов, 24 часа аудиозаписей) и Латвии (Даугавпилсский и Прейльский края, 45 информантов, 40 часов аудиозаписей) в июне и октябре 2016 (см.: [15; 18]), а также данные и результаты исследований наших предшественников и коллег. Кроме того, привлекаются некоторые данные из недавних научных экспедиций в мае 2017 г. в Сувальский, Сейненский, Августовский и Пишский повяты Польши¹ (сотрудники Института славяноведения РАН к.ф.н. Т. С. Ганенкова, к.ф.н. М. М. Макарецев, к.ф.н. Е. С. Узенева) и Аглонский, Даугавпилсский, Лудзенский, Прейльский, Резекненский, Риешбинский края Латвии² (сотрудники Института славяноведения д.ф.н. А. А. Плотникова, к.ф.н. Т. С. Ганенкова и к.ф.н. Г. П. Пилипенко). Во время проведения полевых исследований основное внимание уделялось языку и народной культуре старообрядцев, при этом был записан ряд интервью с представителями других групп для получения «взгляда со стороны», а также понимания, какое влияние старообрядцы и их соседи оказывают друг на друга.

Старообрядцев мы считаем этноконфессиональной группой, поскольку, с одной стороны, по мнению опрошенных нами информантов, для принадлежности к старообрядцам нужно принять крещение — это условие является обязательным. В качестве важных также назывались следующие условия: соблюдение правил, постов, посещение церкви, минимум одно исповедание в год, ношение бороды для мужчин, а также знание русского и/или церковнославянского языка, достаточное для понимания сакральных текстов. С другой стороны, принадлежность к старообрядцам воспринимается как принадлежность к этноконфессиональной группе (ср. высказывание информантов: *«Бабушка у нас староверка, а мама получается наполовину она староверка, и отец ее был поляком (Кш ДК); Она староверка? — Нет, полька»* (Водзилки СВП).

Считается, что волнообразное переселение старообрядцев на территорию Речи Посполитой и пограничные с ней регионы в основном из новгородской и псковской земель происходило с середины XVII в. Движение шло через территорию современных Латвии, Литвы, Белоруссии. С конца XVIII в. старообрядцы селятся на территории современных Сувальско-Сейненского и Августовского районов Польши. В 1829 г. власти Восточной Пруссии разрешили староверам переселиться на свои территории в области Мазурских озер (ныне Пишский повят Варминьско-Мазурского воеводства в Польше) [7; 27; 34]. Устное предание и языковые данные указывают на то, что среди предков польских старообрядцев были переселенцы не только с севера России, но и из других регионов, однако со временем разница в говоре стиралась [29, с. 58]. Схожая ситуация наблюдалась и на территории современной Прибалтики (см. на примере Литвы в [11, с. 62–63]).

¹ В дальнейшем Сувальский повят — СВП (Водзилки, г. Сувалки), Сейненский повят — СНП (Буда-Руска, Штабинки, г. Сейны), Августовский повят — АП (Бур, Бялобжеги, Габове-Гронды, г. Августов).

² В дальнейшем, соответственно, АК, ДК, ЛК, ПК, РК, РБК. Сокращения названий населенных пунктов: Барисы — Бр, Бикерниеки — Бк, Вышки — Вш, Даугавпилс — Дг, Ермаки — Ер, Кашатники — Кш, Малиновка — Мл, Москвино — Мс, Науене — Нн, Прейли — Пр, Силене — Си, Санаужа — Сн, Свенте — Св, Слутишки — Сл, Спрукты — Сп, Янцишки — Ян. Отдельно выделяется правобережный район Даугавпилса — Ругели (включен в черту города в 1981 г.) и левобережный — Юдовка (включен в 1953 г.). Поскольку граница между Латгалией и Курляндией проходила по левому берегу Даугавы, Юдовка и Силене не входили в Латгалию, но сейчас включаются в Латгальский статистический округ.

Перечислим кратко основные черты, объединяющие говоры старообрядцев Латвии и Польши³: недиссимилятивное аканье, яканье (фиксируется иканье и еканье, которые считаются более поздней инновацией); протетические *a* и *u* перед сочетаниями некоторых согласных (*аржаной*); второе полногласие (*столон*⁴ вместо *столб*); твердое *ч* наряду с мягким; наблюдается расподобление *щ* на *ши*, *шч*, *сч* (*кладбишчэ/кладбишише, есчъ/ешчъ*); протетический *v* перед ударными гласными *o* и *u* в начале слова (*возеро, вулицы*); переход *u* в *v/f* перед согласным в начале слова (*вметь* вместо *уметь*); частое произношение *v* в начале слова перед гласной, в позиции между гласными и в окончаниях как билабиального *ц* (*дроздоц* вместо *дроздов*); *x* вместо *c* в некоторых лексемах (*опояхать, подпояхать* вместо *опоясать, подпоясать*); йотация в личных, притяжательных и указательных местоимениях (*ен, яна, яны, явонов, тот* вместо *он, она, они, его, этот*); отличное от литературного языка ударение (*была, жила, дочка, воду*). Из морфологических характеристик выделяются: совпадение форм род.п. ед.ч. существительных на *-a* с формами дат.п. и пред.п. (*к воды, на воды*); совпадение форм дат.п. и тв.п. мн.ч. (*рукам, ногам*); широкое распространение окончаний *-ов/-ев* в форме род.п. мн.ч. у существительных всех склонений (*ружьев, бабов, болотов* вместо *ружей, баб, болот*) и окончания *-ы* в форме им.п. мн.ч. (*глазы* вместо *глаза, стады* вместо *стада*); деепричастия на *-ши/-вши, -ци* (*помериши, ушóци* вместо *померев, уйдя*); формы сравнительной степени прилагательных *долóгший, лягóший* и/или наречий *долóже* и *лягóше* вместо *дольше, длиннее*; у глаголов с основой на *-к* и *-г* происходит чередование твердых и мягких согласных в исходе основы (*могу, можешь, может/мóжет, спяку, спякешь*); часто окончание *-ут* в форме 3л. мн.ч. у глаголов второго спряжения (*учут, носят*). Синтаксические явления: регулярно встречается конструкция *v + п.п.* для существительных и *v + род.п.* для местоимений вместо *у + род.п.* (*в староверах делают так...; брат в меня был*); конструкции типа *брату болит*; употребление слова *есть / естя / ешчя* в составе сказуемого (*какой он человек есть*); использование предлогов *за* и *как* в сравнительных конструкциях (*старше за меня; больше как десять лет*)⁵; использование действительных причастий прошедшего времени в качестве финитных глаголов, иногда с перфектным значением, иногда полностью синонимичные прошедшему времени (*а с этой орешины с одной я было целое вядро орехов набрациши, а в этом году что-то гляжу, нету*); пассивные конструкции с полными причастиями (*она как сягодня с колодца принéсеная*); изменение порядка слов при генетиве (*мамы моей второй родина*).

³ Здесь мы сопоставляем черты, описанные в исследованиях говора старообрядцев в Польше [28; 29; 37; 38; 41] и в Латвии [12; 19; 24], а также зафиксированные нами во время полевых исследований. Следует отметить, что данные диалектные особенности могли быть не характерны для отдельных деревень или носителей. Например, в статье [29, с. 58] указывается, что в деревнях Габова-Гронды и Бур АП наблюдалось два типа вокализма в предударном слоге — диссимиляционный и ассимиляционно-диссимиляционный. В статье о русских диалектах Латвии М. Ф. Семенова выделяет говоры обрусевших белорусов по южной и юго-восточной окраине, старообрядческие говоры с псковско-новгородской основой в центральной Латгалии и говоры переселенцев с соседних псковских земель на востоке Латгалии [19, с. 13]. Кроме того, уже в самых ранних описаниях старообрядческих говоров отмечается вариативность некоторых черт (см., например: [12, с. 6, 13, 17]).

⁴ Транскрипция является условно-фонетической. Фонетически транскрибируются только те особенности, которые отличают говор от литературной нормы (твердое *ч* обозначается как *чъ*). В статье используются расшифровки Т. С. Ганенковой и Г. П. Пилипенко.

⁵ М. А. Новгородов считает, что использование предлога *за* в этом значении в русском диалекте Дагдского района Латвии возникла под влиянием белорусских говоров [12, с. 18].

Сравнение основных лексикографических работ по говорам старообрядцев в Польше и странах Балтии дает основания говорить об их общем происхождении [9; 13; 14; 31].

Различная историческая судьба и социальные условия привели к тому, что на современном этапе степень сохранения диалекта, традиционной народной культуры в исследуемых регионах сильно отличается, что отражается на различной трактовке вопросов, связанных с идентичностью.

В наиболее исследованном с социолингвистической точки зрения Августовском районе сохранились две деревни компактного проживания старообрядцев — Габове-Гронды и Бур (в речи старших староверов — Борки), где до сих пор действует моленная. Часть старообрядцев переехала в находящийся недалеко город Августов. В соседнем Сувальско-Сейненском районе основным центром, объединяющим старообрядцев, была моленная в городе Сувалки, а также моленная в деревне Водзілки (в речи старших староверов Воділки). С. Гжибовский и М. Глушковский выделяют несколько этапов развития общины Августовского и Сувальско-Сейненского районов [8]. С 1815 по 1918 гг. эта территория входила в состав Российской империи и не была отрезана от русского языкового материка. Русский использовался для домашнего и официального общения, польский же был нужен только для общения с соседями. По всей видимости, многие старообрядцы не знали польского (прежде всего женщины). С 1920-х гг. роль польского языка постепенно увеличивалась, поскольку он стал языком администрации, однако в семье, в деревне и за ее пределами при общении с единоверцами по-прежнему использовался родной говор. Коренные изменения были связаны со Второй мировой войной. С 1939 г. августовский район находился под контролем Советского союза, в 1941 г. был оккупирован немцами. В 1943 г. жители деревень Габове-Гронды и Бур в полном составе были высланы на принудительные работы, однако довольно большая часть из них вернулась назад после войны. Сувальско-Сейненский район с 1939 г. контролировался Германией. По договору об обмене населением между СССР и Германией старообрядцы массово переселялись в СССР (главным образом, в Литву), почти никто из них не смог вернуться назад.

Таким образом, после 1945 г. диалект старообрядцев в Августовском и Сувальско-Сейненском районах стал полностью островным. Их численность резко уменьшилась, знание польского стало обязательным (язык образования, администрации, СМИ), однако русский по-прежнему был основным языком общения в семье и с единоверцами. На рубеже 1960–1970-х гг. в результате увеличения межэтнических и межконфессиональных браков, получения образования на польском и работы в городе, увеличения роли СМИ и т. д. произошел выход общины старообрядцев из изоляции, что привело к тому, что младшее поколение первым усваивало польский, а затем уже русский (но при непосредственном контакте, а не через польский). Последние десятилетия XX в. характеризуются как «фаза окончательного открытия общины, когда внутренние ценности оказываются не в состоянии противодействовать внешнему миру, и происходит амальгамация меньшинства <...> На этом этапе можно констатировать смену двуязычия на состояние, ведущее в молодом поколении к возникновению своеобразного русско-польского гибрида» [8, с. 205].

В упомянутой работе предлагается следующее деление на поколения старообрядцев Польши: старшее (год рождения до 1946 г.), среднее (год рождения с 1946 по 1970 гг.), а также младшее (год рождения с 1971 г.) [8, с. 208]. В рамках этой классификации нам дополнительно хотелось бы выделить самое молодое поколение (год

рождения после 1990 г.), которое, с одной стороны, имеет доступ к российскому телевидению и радио с ранних лет и может контактировать со своими единоверцами в странах Прибалтики и России через Интернет и лично, а, с другой стороны (речь идет о деревнях Габове-Гронды и Бур), было вынуждено ходить в школу в польскоязычной деревне Бялобжеги после закрытия школы в Габовых Грондах. Кроме того, нельзя недооценивать тот факт, что после 1989 г. русский язык очень быстро перестал преподаваться в польских школах и был вытеснен английским или другими западноевропейскими языками. О закрытии школы и замены русского языка другими иностранными языками пишет и М. Глушковский, использующий этот факт как одно из оснований для выделения младшей группы молодого поколения [25, с. 257].

В предисловии к сборнику текстов из архивов Института славистики ПАН и текстов, собранных и расшифрованных коллективом славистов из Торуньского университета, предлагается следующее разделение: поколение I — люди, родившиеся до 1913 г., II — с 1914 до 1945 гг., III — с 1946 до 1970 гг., IV — с 1971 до 1990 гг., V — после 1990 г. [41, с. 30]. В настоящей работе при описании старообрядцев Польши будет использоваться именно эта классификация как наиболее полная.

Более всего подвержены влиянию польского языка фонетика, лексика и синтаксис, менее — морфология [8, с. 206–207; 32; 40; 41, с. 17–22].

Степень влияния зависит от многих факторов. Прежде всего, это принадлежность к поколению: у старшего оно меньше, у младшего — больше. У информантов, большую часть жизнь проживающих в сельской местности, в целом говор сохраняется лучше, чем у их единоверцев из города. Важный фактор — национальность и вероисповедание родителей: в смешанных семьях, где один из родителей поляк-католик/польска-католичка, языком общения является польский. В семьях, где супруг/супруга польской национальности принял/а старообрядчество, чаще всего языком общения дома является русский, хотя встречаются исключения. Имеет значение отношение родителей человека и самого человека к вере, традиционным ценностям и русскому языку и представления об их важности для сохранения идентичности старообрядцев. М. Глушковский, исследуя язык молодого поколения (поколения IV и V) старообрядцев деревень Габове-Гронды и Бур, также выделяет такие факторы, как отношение к говору школьных товарищей и соседей, язык общения в школе [25, с. 258]. Во время наших интервью было заметно, что влияние польского языка на речь тех информантов, которые подчеркивают свою принадлежность к старообрядцам, регулярно участвуют в церковной жизни, высказывают точку зрения о недопустимости брака с иноверцем/иноверкой (при этом брак с поляком/полькой приемлем при переходе жениха/невесты в старообрядчество) намного меньше, чем у их сверстников. Надо отметить, что, по мнению большинства наших собеседников, знание русского языка достаточно для понимания сакральных текстов на церковнославянском языке, в связи с чем знание русского и/или церковнославянского языка (хотя бы на уровне понимания) считается обязательным/крайне желательным для старообрядца. При развитии темы понимания сакральных текстов на церковнославянском языке большинство информантов признавалось, однако, что все же многие слова и тексты остаются для них непонятными. Один из наших собеседников был вынужден купить Библию на польском языке для того, чтобы понимать некоторые места из Евангелия на церковнославянском. Во время бесед было очевидно, что вопрос знания русского языка является острой проблемой для современных старообрядческих общин Польши, особенно что касается младшего поколения. В качестве решения для детей предлагалось общение на русском языке со старшими родственниками дома,

а для взрослых — регулярное посещение церковных служб и молитвы Богу для того, чтобы хотя бы начать понимать сакральные тексты.

Интересно, что уровень образования практически не играет роли в данном случае. Исключение составляет филологическое образование, включающее изучение литературного русского языка. У информантов, получивших или получающих такое образование, заметно, с одной стороны, меньшее влияние польского языка (в том числе и на фонетическом уровне), с другой стороны, меньшее число диалектных черт, вытесняемых литературным языком.

Следует заметить, что в некоторых случаях утверждения информантов расходились с действительностью. Так, один из собеседников из Августовского повята, подчеркивавший важность использования русского языка дома и с единоверцами, прервал беседу с исследователями, чтобы ответить на вопрос своего ребенка, при этом диалог велся по-польски. В этой связи крайне интересной является статья М. М. Макарецца «Влияние островного статуса группы на систему ценностей: к вопросу об идентичности старообрядцев Польши по данным языка» [10], в которой идентичность миноритарной этноязыковой и культурно-конфессиональной группы старообрядцев Польши исследуется методом автогенерируемых описаний, результаты которого накладываются затем на типологию островных групп. Этот метод призван снизить субъективность исследования связанных с идентичностью вопросов, в особенности миноритарных групп, что достигается за счет уменьшения влияния на ответы информанта личности исследователя, контекста беседы и т. п.

Что касается старообрядцев Латгалии, то их судьба складывалась совсем иначе. До последнего времени они являлись частью русского языкового материка, где русский был языком общения, образования, администрации, СМИ. С одной стороны, это поддерживало позиции русского языка как основного или одного из основных, с другой стороны, распространение литературной нормы уменьшало сферу действия диалекта и маркировало его как непрестижный вариант. Об этом исследователи начали писать еще в 1950-х гг. [12, с. 18]. Анализ данных, собранных во время научных экспедиций, показывает, что количество диалектных черт в речи старшего и среднего поколений зависит от уровня полученного образования [5]. Для старшего поколения значение имеет также место проживания. Во время экспедиции в Латвию в 2017 г. было отмечено, что при разговоре с представителями интеллигенции старшего поколения, проживающими или большую часть жизнь прожившими в сельской местности, первые 15–20 мин. речь наших собеседников была приближена к русскому литературному языку, однако чем дальше, тем больше диалектизмов они употребляли. Отметим, что среди них не было учителей русского языка. У людей среднего поколения такого эффекта не наблюдалось.

После выхода Латвии из СССР в 1991 г. ситуация стала меняться. В 1991 г. был принят закон об образовании, согласно которому основным языком преподавания со второго курса государственных вузов должен быть латышский. По отзывам наших собеседников, в Латгалии проблема перехода преподавания в вузах с русского на латышский язык была решена лишь к концу 1990-х гг. В настоящий момент преподавание на латышском языке в вузах ведется с первого курса.

Согласно позднейшей поправке, с 1996/1997 учебного года в основных школах (1–9 классы) с негосударственным (нелатышским) языком обучения на латышском должны были преподаваться 2 предмета, а в средней (10–12 классы) — 3 предмета [1, с. 43]. Согласно школьной реформе 2004 г., в профессиональных и средних школах с негосударственным языком преподавания на латышском должно даваться не менее

60% учебного материала (см. Закон об образовании [33]). Кроме того, в современной Латвии знание латышского языка необходимо для решения административных вопросов, продвижения по карьерной лестнице, зачастую получения работы. Это ведет к сокращению области функционирования русского языка, хотя, по нашим наблюдениям, он остается основным языком повседневного общения русскоязычного населения и одним из основных языков общения с латышами в исследуемом регионе. Согласно переписи 2011 г., русские в Латгалии составляют 38,9% населения, а латыши — 46%. Больше всего латышей в Даугавпилсском (34,7%) и Зилупском (25,3%) краях, граничащих, соответственно, с Белоруссией и Россией. Дома на русском говорят 54,6% жителей Латгалии, на латышском (латгальском⁶) — 35,2% [36, с. 108, 112]⁷. Более подробную информацию о социолингвистической ситуации в Латвии с 1850 по 2005 гг. можно найти в работе [39]. Поскольку языковой вопрос в современной Латвии является частью такой общественно и политически чувствительной темы как идентичность этнических меньшинств, интересной представляется обзорная статья В. В. Волкова о существующих подходах к этой теме [4].

Важным для нас результатом описанных изменений стало уменьшение роли и влияния русского литературного языка. В связи с этим речь младшего поколения с высшим образованием в целом содержит больше диалектных черт по сравнению с представителями среднего поколения с высшим образованием. Безусловно, идиолекты представителей младшего поколения различаются. По нашим наблюдениям, важное значение имеет уровень образования и место проживания людей, их воспитывавших: при воспитании бабушками и дедушками, обычно имеющими только среднее образование, по большей части проживающими в сельской местности и говорящими в основном на диалекте, число диалектизмов у молодых людей выше по сравнению с их сверстниками, воспитывавшимися родителями с высшим образованием, проживающими в городах и говорящими в основном на литературном языке. Интервью с детьми от 6 до 14 лет, проживающими в сельской местности показало, что количество диалектизмов в их речи зависело, прежде всего, от уровня образования родителей и степени владения ими (родителями) литературным русским языком. Таким образом, фактор места проживания (сельская местность или город) кажется нерелевантным для младшего поколения. Не было отмечено и какого-либо отличия в речи информантов с точки зрения количества диалектных черт в зависимости от основного языка общения в повседневной жизни — русского или латышского. Отметим, что все опрошенные нами информанты младшего поколения (за исключением двух детей 6-летнего возраста) владеют латышским языком. Среднее и старшее поколения обычно оценивают свое знание латышского как очень плохое, однако и в их речи встречаются вставки из латышского (чаще всего при цитации). Этому явлению посвящена работа [16].

Учитывая социолингвистические особенности проживания старообрядцев Латвии, старшим поколением мы считаем людей, родившихся до 1946 г., средним — с 1946

⁶ Латгальский считается вариантом латышского языка, поэтому по нему нет данных по всем административным единицам. Указывается лишь, что на ежедневной основе в Латгалии на нем говорит 35,5% населения [36, с. 97]. Вопрос о языке, используемом на ежедневной основе, касается только латгальского. В рамках вопроса о языке домашнего общения латгальский отдельно не выделяется.

⁷ Приводимые проценты респондентов, использующих в домашнем общении русский и латышский (латгальский), основаны на числе жителей, ответивших на вопрос: в Латгалии на русском дома говорит 165 854 человека из 304 032 (54,6%), а по-латышски (по-латгальски) — 107 048 (35,2%) [36, с. 112]. В то же время на стр. 97 этого же документа указано, что в Латгалии русский является языком домашнего общения для 60,3% респондентов. К сожалению, авторы не объясняют, на чем основана эта цифра.

по 1980, младшим — после 1980 г. Выбор 1980 г. в качестве условной границы обусловлен тем, что люди, родившиеся после 1980 г., столкнулись с последствиями реформ и в процессе образования в большей или меньшей степени были вынуждены учиться на латышском языке.

Помимо сохранения русского языка как важного маркера идентичности большое значение имеет сохранение веры и культурных элементов (ср. [26, с. 422]), свойственных для старообрядцев, в том числе элементов традиционной народной культуры. Надо сказать, что сохранность и трансляция народной традиции имеет свои особенности в каждом из описанных регионов.

В Латгалии различия в степени сохранности традиции между поколениями есть, однако они не являются резкими⁸. Прекрасно сохраняются основные традиции празднования таких праздников, как *Рождество*, *Крещение* / *Кряшишэнье* / *Хряшишэнье* / *Кряшчэнье* / *Крешшэнье*, Вербное воскресенье, *Паска* и Троица. На Рождество *христослávцы* (Ян, Си ДК); — наставник и певчие — приходят в гости, *христослávят* — поют церковные песнопения, а хозяева их угощают. Некоторые информанты говорят о том, что раньше ходили и *колядники* (Д) — обычно молодые люди и дети, которые пели песни и просили угощение (Мл ДК, Ер ПК). Старшие люди вспоминают, что приходившие могли быть переодетыми и накрашенными, называя их иногда *цыганами* (Ер ПК). Среднее и младшее поколения чаще говорят о традиции *идти/пойти в цыгане* — переодеться и ходить по домам знакомых с песнями с целью получить угощение (Кш, Вш, Сп ДК). Во время интервью часто высказывалось мнение, что традиция *ходить в цыгане* является заимствованием одноименной широко распространенной латгальской традиции (см.: [35, с. 148–149]), однако этот вопрос требует более тщательного изучения, так как в славянских традициях цыган — это «широко распространенный персонаж обрядового ряжения (ср. рус. урал. *цыганиться* “рядиться на святки”, *цыганить* “собирать продукты на гулянье и на свадьбу”; укр. *циганити* “ходить ряжеными на второй день свадьбы”» [3, с. 496]. Кроме того, таким же образом называется схожая традиция у старообрядцев, проживающих в Августовском районе Польши, где *ходили в цыгане* от Рождества до Крещения (Габове-Гронды АП). Пожилые люди также вспоминают о традиционных бесчинствах молодежи в канун Рождества *Кутэйник*⁹ или на Рождество (Юдовка Дг; Ян, Бк ДК; Бр ПК). Чаще всего информанты говорили о том, что подпирали двери поленом, затыкали трубы, тайком вывозили или выносили предметы, например, увозили телегу за село или втаскивали ее на крышу дома и т. д. (Подробнее о бесчинствах см.: [21]).

Основной атрибут Крещения — *крещенская* (Вш ДК) / *кряшчэ́нская* (Си ДК) / *крешчэ́нская* (Бк ДК) / *кряшишэ́нская* (Си ДК) / *свьянчэ́ной* (Ян ДК) / *посвящчэ́ная* (Ян ДК) / *святáя вода* (Ругели Дг; Ян ДК), т. е. вода, освященная в моленной или набранная из любого открытого водоема/колодца в Крещение. Этой водой лечатся от болезни и сглаза, ею кропят дом и скотину для защиты от злой силы и порчи (Ругели и Юдовка Дг; Вш, Си, Сп, Ян ДК). В Вербное воскресенье домой приносят *покаженную* (Бк, Си ДК) / *посвящчэ́нную* / *освещчэ́нную* (Бк, Си ДК) вербу, которая обычно

⁸ В данной статье описываются традиции и элементы народной культуры, известные всем поколениям (хотя бы одному представителю своего поколения). При упоминании обрядов, неизвестных хотя бы одному поколению, дается соответствующий комментарий. Более полную информацию можно найти в статье [18], где указываются все основные зафиксированные во время экспедиции термины и традиции.

⁹ В ПК и АК Сочельник называется *Кутэйником*. Отметим, что это же название мы встречали у старообрядцев Польши. В Словаре русских народных говоров этот термин зафиксирован для Преильского района Латвии, Ионавского района Литвы и русского Севера [20, с. 167].

хранится целый год дома около икон и имеет особую силу — защищает от злой силы, охраняет дом от пожара, используется для выгона скота, чтобы он был здоровым (Бк, Вш, Мл, Си ДК; Пр ПК). Одни подкуривают вербу и используют ее для лечения скота и людей (Бк ДК; Пр ПК), другие разбрасывают ее в огороде для урожая и относят на кладбище (Нн ДК), третьи стегают ею детей, чтобы они были здоровыми (Кш, Си ДК; Пр ПК). Некоторые информанты считают обрядовое битье детей вербой заимствовани-ем латышской традиции, однако следует помнить, что такая традиция зафиксирована и у славян [23, с. 337].

Необходимым элементом пасхальной трапезы были освященные крашеные яйца — *красное* (Юдовка Дг; Си ДК) / *пасхальное* (Юдовка Дг) / *священное яйцо* (Ругели Дг) — и *пáска* — большая круглая дрожжевая *булка* (Дг; Вш, Мс, Си, Св, Сн ДК; Бр, Пр ПК). После службы люди *стóсали* наставника и друг друга, т. е. поздравляли с Пасхой и давали яйца (Дг; Си ДК). Дома этими яйцами разговлялись (все села), одно клали к иконам — *стóсали иконы* (Си ДК). Некоторые относили яйца на могилы родственников (Дг; Нн ДК). Повсеместно распространена традиция *биться/ стукаться* яйцами, изредка упоминается о том, что в первый день Пасхи бились острыми концами, а на второй или в *Провóдное воскресенье* — тупыми (Вш ДК), иногда рассказывают о катании яиц (Дг; Си ДК) ср. [2, с. 630]. На Пасху также приходили певчие с наставником, пели песнопения (Юдовка Дг). Довольно часто информанты всех трех поколений говорили о том, что рано утром на Пасху *солнце играет* (Юдовка Дг; Бк, Вш, Кш, Мл, Ян ДК) [22].

У старообрядцев Латгалии Троица является главным праздником, связанным с поминовением. Во время *Троéцкой недели* люди должны обязательно посетить могилы своих предков, убрать их и присутствовать на молитве, читаемой на могиле наставником и певчими (все села). Для многих семей этот день является днем встречи всех членов семьи, приезжающих даже из дальних стран. Среднее и старшее поколения помнят, что раньше на Троицу дома украшали березовыми ветками (в углы, в матицу, около икон) и ставили березы около входа, в некоторых домах пол устилали аиром (Бк, Вш, Кш, Си ДК; Пр ПК).

У всех поколений в посещенных селах сохраняются приметы, связанные с первой услышанной кукушкой (следует иметь при себе деньги, чтобы они не переводились в течение года), приносящим детей аистом, первым громом (после первого грома можно купаться, при этом младшее поколение уже не помнит обычая *куля́ться* при первом грома — кататься земле, чтобы спина не болела Бк, Вш, Мл, Си ДК), окончанием купального сезона на святого Илью (*Илья принес/даст наделаёт гнилья* Юдовка Дг; Бк, Мс, Сл Д и/или *Бог кинул холодный камень/льдинку в во́ду/в во́ду* Юдовка Дг; Мл ДК; Пр ПК), солнцем во время дождя, обещающем грибной год (*слепой/сляпой дождь*).

От представителей разных поколений во всех селах можно узнать о людях с недобрым глазом, сглазе, способах его предотвращения (приколотые булабочки и иголки Ругели Дг; Си, Сл ДК) и борьбы с последствиями (в частности, умывание крещенской водой и вытиранием подолом рубахи Юдовка, Ругели Дг; Вш, Си, Сп ДК): *А потóм ишчѐ́ был оди́н раз, то́жэ в компáнию пришлá, это еи́цó молодáя бѣ́ла, жэ́ншишѣ́йна одна́, ой! Я пришлá са́мая послéдняя в гóсти, ужэ́ все гóсти сидéли. «Ой! Мари́я, ты, как хоро́шо ви́глядишь, румя́ная какáя, так она́ сказа́ла», — чѣ́рез не́которое вре́мя мне о́пять плóхо, но она́ са́ма ви́дела, что мне плóхо. Она́ пришлá и говори́т: «Бя́ри подóл руба́шки и вытирай ли́цó». Вот э́то то́же сгла́зу, э́то то́же сгла́зу, вот мне два*

ра́за таки́х бы́ло слу́чая, а тре́тий раз вот и коро́чку эту мою́ бы́ло, двою́родного бра́та же́на́ сгла́зивиши (Си ДК, старшее поколение).

Известен домовый (Юдовка Дг; Бк, Вш, Мл, Сп, Ян ДК; его также называли хозяином, его могла символизировать метла в углу, поставленная метелкой кверху Ян ДК, ему можно оставлять молоко в блюде, сахар Мл, Сп, Ян ДК, ему же дети кидали молочный зуб Сл, Сп ДК), запрет мыться в *байне* после захода солнца (Сл ДК) и оставлять посуду на ночь неприкрытой, чтобы *беси не купались* (Дг; Бр ПК).

Что касается жизненного цикла, то во всех селах лучше всего сохраняется поминально-похоронная обрядность: подготовка специальной одежды (для мужчин: кальсоны, косоворотка, тапочки, темный халат и пояс, саван и покрывало, лестовка и крест; для женщин: рубашка с длинным рукавом, тапочки, один или два плата/платка на голову — один повязывается концами назад, второй концами вперед, чаще всего зашивается ниткой, сарафан, саван, покрывало, лестовка и крест; некоторые в гроб также кладут любимые вещи/еду покойных Лудза ЛК, что осуждается наставниками); чтение псалтыри в течение 1–3 дней приглашенными чтецами; *прóводы* (Бк ДК) — отпевание в моленной, поездка на кладбище, обязательно бросаются 3 горсти земли после молитвы на кладбище (если при рытье могилы были найдены кости, то некоторые бросают монеты, чтобы откупиться от предыдущего покойника, что также осуждается наставниками). На поминки, 9-ый день, 40-ой / *сорокови́ны* (Дг) и *годоциши́ну* (Дг; Бк ДК) готовят особое поминальное блюдо *кутью* (пшеница с медом).

Сохраняются основные этапы свадебной церемонии: жених едет за невестой, где должен выкупить невесту, которую могут попытаться «украсть»; жених и невеста со сватами едут в моленную/загс; на выходе молодых могут обсыпать зерном или монетками, чтобы они были богатыми Бк, Вш, Кш, Мл, Си ДК; Ер ПК (дождь на свадьбу также к богатству Вш, Бк ДК); затем они едут домой к молодому/в ресторан; по пути свадебному поезду *ставят бра́мы* (ср. польское *brama* ‘ворота’) Ругели, Юдовка Дг; Бк, Вш, Кш ДК — перегораживают дорогу веревкой, украшенной цветами и лентами, сват или молодой должен откупиться — дать конфеты детям, алкоголь взрослым, иногда выполнить задание (чаще всего надо расколоть чурку); дома/в ресторане родители молодого встречают молодых хлебом с солью и благословляют иконой (в одном из рассказов из Малиновки ДК молодым кинули под ноги шубу, по которой они должны были пройти¹⁰), часто молодые должны наступить на тарелку (чем больше осколков, тем лучше — будет больше детей) Ругели Дг; Бк, Кш ДК; в Силене ДК встретилось упоминание о запрете поздравлять невесту голой рукой — следовало делать это через ткань, чтобы молодые не были бедными.

Родинная обрядность также претерпела значительные сокращения в связи с переносом процесса родов в больницы, тем не менее поверья, связанные с беременностью и первым годом жизни ребенка известны представителям всех поколений. Беременной нельзя переступать веревки, цепи (Ругели Дг; Вш ДК), в некоторых случаях хомут и голик (Бр ПК), завязывать халат на животе, иначе ребенок может родиться обмотанный пуповиной. Нельзя смотреть на пожар и хвататься при этом за какие-либо части тела, чтобы у ребенка не было родимых пятен (Ругели Дг). Если беременная что-то просит, ей нельзя отказывать, иначе заведутся мыши и/или крысы (Ругели Дг; Ян ДК). После рождения нельзя было показывать ребенка, чтобы его не сглазили (Сл, Сп ДК). Нельзя

¹⁰ В [17, с. 576] указывается, что это севернорусская традиция. А. В. Гура пишет, что термин *хлебины* характерен преимущественно для севернорусских регионов [6, с. 108, 534–535].

было стричь волосы до года (Вш, Сл ДК). Кроме того, сохранился ритуал *развязывания/разрезания пут*: в момент, когда ребенок готов сделать свой первый шаг, кто-то из окружающих делает вид, что ножом/рукой символически перерезает воображаемые пути между ног ребенка, чтобы он хорошо ходил (Сл ДК; Малта РК).

Везде известны и сохраняются правила, связанные с *крещением / крестьбинами* (Ер ПК) / *крезьбинами* (Вш ДК) ребенка. Собеседники отмечают, что раньше более строго подходили к выбору имени — по святцам, окрестить старались как можно скорее. Крестные не могут быть мужем и женой, поскольку через крещение становятся духовными родственниками. Крестники одного человека также приходятся друг другу родственниками, поэтому крестный должен крестить или только мальчиков, или только девочек, чтобы впоследствии его крестники между собой не поженились.

При строительстве дома в основание часто закладывают монетки, чтобы в доме «велись» деньги (Ругели, Юдовка Дг; Вш ДК; Ер ПК). С окончанием строительства дома связан обычай вывешивать *венки / вянки* и угощать мастеров (Ругели, Юдовка Дг; Вш, Бк, Мл ДК; Ер ПК), представители старшего поколения помнят название праздника — *шпарное* (Бк ДК) / *стропильные* (Юдовка Дг). Общеизвестным является праздник *входины* — праздник новоселья, при этом первым следует запустить кота. Следует пригласить также наставника для освящения нового дома (Ругели Дг; Бк, Вш, Мл ДК).

При сравнении народных традиций и обычаев старообрядцев Латвии и Польши можно выявить много схожих моментов. Термины и традиции, о которых помнят представители всех поколений (хотя бы один представитель), являются общими для всех посещенных сел Августовского и Сувальско-Сейненского районов, поэтому названия конкретных населенных пунктов не указываются. Возможно, факт этот объясняется тем, что число старообрядцев крайне невелико и браки часто заключаются между жителями разных сел.

В канун *Рождества* (повсеместно известного как *Кутейник / Кучейник*) молодежь начинала *ход^жить в цыгане*, т. е. переодеваться, ходить по домам, требуя угощения, устраивать традиционные бесчинства, называемые *кашчюны* (кража предметов, вынос/вывоз телег, снятие ворот, подпираание дверей и затыкание труб). В этот же день девушки гадали: обнимали *стахетки* (доски забора), если их количество было четным, это означало скорое замужество; стучались в окна и спрашивали имя суженого. Ходили до *Хряцения*. На *Рождество* в гости приходили певчие и наставник и *христославили* — пели церковные песнопения. В отличие от Латвии в Польше не было обычая освящать или набирать воду на Крещение. Молодежные бесчинства также устраивались на *Маслинку*, когда молодежь также *ход^жила в цыгане*. Известно явление игры солнца (*солнце играет, радуется, переливается*) на *Паску*, *Благовещение* (в одном случае на *Ущекновение* — Усекновение главы Иоанна Предтечи). На *Паску* пекут *паску с головой* (на круглую большую булку клали еще одну булку поменьше), стучаются *коженым* яичком (*коженое* от слова *кодить*, т. е. кадить). В первый день после Пасхи освященные яйца относили на кладбище. На Троицу также поминают усопших, однако, как кажется, это не носит такого массового характера как в Латгалии, где люди стремятся обязательно побывать на могилах предков на Троицкой неделе. До сих пор сохранилась традиция выпекать на Троицу специальное блюдо — *сканьцы* (булочки с творогом). Пожилые собеседники (поколение II) помнят о том, что на Троицу украшали дом березовыми ветками, а дети плели коровам венки, которые родители должны были выкупить. Известен запрет купаться после 2 августа, так как *Илья бросает холодный камень в воду*. Когда человек впервые весной слышит кукушку, ему следует иметь при себе деньги, чтобы они водились весь год. Если первый аист весной летит, то человек будет

весь год «летать» — в его жизни будет много изменений, а если сидит — «сидеть» без изменений.

Сохраняются основные элементы свадебной традиции. Жених со *сватом* (обычно человек постарше) и *дружбантом* (лучший друг) ехали за невестой. *Главная дружбантка* и *сватья / свачья* требовали выкуп за невесту. После благословения в моленной молодые ехали к молодому домой/в ресторан, *поезжанам* городили дорогу (молодежь иногда говорит, что *д^желали брамы*, однако представители старшего поколения считают это ненужным заимствованием из польского). Родители молодого встречали молодоженов на пороге хлебом и солью, благословляли иконой. На свадьбу пекли *каравай*, которым угощали гостей в обмен на подарки (деньги). Одна пожилая информантка (поколение II) вспомнила об обычае садить молодую на квашню (посуда для заквашивания теста) после окончания свадьбы и снятия фаты подружками невесты (Габове-Гронды АП). В сборнике [41, с. 83] встречается следующее упоминание об этом обычае женщинами поколения II (1914–1945 г.р.) из Августовско-Сувальского региона: «*Но, но! На зівтрия маладўху саді́ли на ..., на квашню́, на ё́та така́я дэ́жка што хлеб пяклі́, ё́тава..., растваря́ли. Закрыва́ли ё́ту дэ́жку тако́й авчы́нкай, штоб ё́та шўба бы́ла, штобы бага́та жы́ли. Саді́ли на дэ́жку и по́сьле часа́ли, дьве касы́ заплята́ли*»¹¹. Старшее (II) и среднее (III) поколения помнят о традиции ехать к родителям молодой через неделю после свадьбы (используется русский термин *нахлѣбины*) или на следующий день (используется польский термин *поправіны* — продолжение застолья на следующий день после свадьбы, обычно у родителей молодой).

Всем поколениям известны основные запреты для беременных — не переступать через заборы, веревки, цепи, чтобы ребенок не родился, обмотанный пуповиной; не хвататься за тело при пожаре (у ребенка будут родимые пятна). Беременным нельзя отказывать, иначе заведутся мыши. Через некоторое после рождения ребенка люди приходят *в навиды* — посмотреть ребенка и подарить ему подарки. Пожилые люди (поколение II) помнят об обычае *перезать пути* и о том, что до года ребенку нельзя стричь волосы и ногти (Габове-Гронды АП).

Сохраняются основные элементы поминально-похоронной обрядности. Подготовка особой одежды: для мужчин — штаны, косоворотка, *халат/ полукафтáнье*, пояс, *папучи* (тапочки), крест и лестовка; для женщин — рубаха, сарафан, один или два платка (один повязывается концами назад, второй завязывается или подшпиливается под подбородком), *папучи*, крест и лестовка. По покойнику читается псалтырь, на 3-й день следуют *прóводы* — отпевание в моленной и на кладбище и поминки. В день похорон, на 9-й день / *сороковіны* и *годовіну* обязательно готовится кутья.

Везде соблюдается правило выбора крестных: не могут быть мужем и женой, должны крестить или только мальчиков, или девочек. Имя для крещения выбирается из святцев, но у среднего и младшего поколения обычно не совпадает с именем по документам: Дмитрий — Мечислав, Сергей — Роберт, Марфа — Марта и т. д.

При строительстве нового дома вешается *вяно́к*, а на *входи́ны* наставника приглашают освятить новый дом (при этом первым обычно следует запустить кота).

Несмотря на схожесть и идентичность многих элементов народной культуры старообрядцев Августовского и Сувальско-Сейненского районов Польши и Латгалии, есть одно коренное отличие. Это почти всегда отрицательный ответ польских старообрядцев на вопросы, связанные с нечистыми духами, ведьмами, колдунами, явлениями

¹¹ Запись цитируется в упрощенной транскрипции, в сборнике текстов также предоставляется фонетическая транскрипция.

покойников и т.п. Практически все опрошенные нами отвечали, что ничего об этом не слышали. Исключения составляли вопросы про сглаз, защиту от него (чтобы защитить младенца, нужно одеть его в вывернутую наизнанку одежду), борьбу с последствиями (вытирание лица подолом три раза), а также заговоры от укуса змей, которые описывались информантами как один из видов народной медицины наряду с лечебными травами. Только одна женщина (поколение II) из деревни Габове-Гронды АП дала ответы на подобные вопросы, свидетельствующие о богатой мифологии в этой области (конская мора, завивающая косички коням; ночная мора, душащая людей по ночам; домовый в виде ласки, в цвет которой должна покупаться скотина; запрет на мытье в *байне* после захода солнца, чтобы не мыться с *нячъыстым* / *нячъыстиком* в крови Христа; явления *нячъыстого* в виде покойного близким, слишком тоскующим по покойному; необходимость ставить метлу в угол в течение 40 дней после смерти близкого человека, чтобы его скитающаяся душа могла на ней переночевать; водяной, который может утащить под воду и т.п.). Ее ответы дополнял мужчина среднего поколения (III). О *нячъыстике* упомянула еще одна пожилая собеседница (поколение II), но разговор был прерван (Габове-Гронды АП). Складывается субъективное впечатление, что жители описываемых районов сознательно скрывают эту часть культуры от исследователей, боясь испортить образ и репутацию своей небольшой этноконфессиональной группы.

Представленные в настоящей статье данные доказывают положение о том, что старообрядцы, проживающие в Польше, и старообрядцы Латгалии имеют общее происхождение. При этом разные исторические и социолингвистические условия в XX в. привели к совершенно различным ситуациям в этих двух общинах. Резкое уменьшение численности старообрядцев в Польше, доминирующее положение польского языка и польской культуры привело к тому, что младшее поколение говорит в основном на гибриде русского диалекта и польского языка, все чаще ощущает и декларирует себя поляками, а не русскими. С другой стороны, сохранение своих традиций, ценностей и вероисповедания тормозит процесс «растворения» этой этноконфессиональной группы в польском обществе. Положение старообрядцев в Латгалии совсем иное. Они являются основой многочисленного русскоязычного населения в Латгалии, которое имеет доступ (пусть и несколько ограниченный) к образованию, культурной жизни и СМИ на русском языке. Хотя государственные границы отделяют их от единоверцев в России и Белоруссии, сложно считать их классической островной группой. Крайне интересной является ситуация с точки зрения сохранения говора в этом регионе. После получения Латвией независимости в 1991 г. воздействие литературного русского языка на диалект значительно ослабло, что выражается в более толерантном отношении к говору и увеличению количества диалектизмов у отдельных представителей младшего поколения. Процесс этот все еще продолжается и требует дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Антане А., Цилевич Б. Латвия. Модель этнологического мониторинга. М.: ИЭА РАН, 1997. 124 с.
- 2 Агапкина Т. А., Белова О. В. Яйцо пасхальное // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. С. 626–632.
- 3 Белова О. В. Цыган // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. С. 493–497.
- 4 Волков В. В. Идентичности этнических меньшинств как объект анализа в Латвии в 1991–2014 гг. // Европа меньшинств — меньшинства в Европе: Этнокультура

- турные, религиозные и языковые группы / отв. ред. и сост. М. Е. Кабицкий, М. Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 9–42.
- 5 *Ганенкова Т. С.* Полевые заметки о языке старообрядцев Латгалии // *Emigrantologia Słowian*. 2017. № 3. (в печати)
- 6 *Гура А. В.* Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М.: Индрик, 2012. 936 с.
- 7 *Заварина А. А.* Русское население Восточной Латвии во второй половине XIX — начале XX века // *Русские Латвии*. URL: <http://www.russkije.lv/ru/pub/read/rnvl/> (дата обращения: 09.07.2017).
- 8 *Гжибовский Ст., Глушковский М.* Социолингвистическая ситуация старообрядцев в деревнях Габове Гронды и Бур // *Русские старообрядцы: язык, культура, история. Сб. статей к XIV Международному съезду славистов* / отв. ред. Л. Л. Касаткин. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 200–214.
- 9 *Леннгрэн Т.* Лексика русских старообрядческих говоров (на материале, собранном в Латгалии и на Житомирщине). Uppsala: Uppsala University, 1994. 174 s. Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Slavica Upsaliensia 34.
- 10 *Макарцев М. М.* Влияние островного статуса группы на систему ценностей: к вопросу об идентичности старообрядцев Польши по данным языка // *Slověne*. 2017. Vol. 6.
- 11 *Морозова Н., Чекмонас В.* Говоры старообрядцев Литвы: особенности и проблемы происхождения // *Фольклор старообрядцев Литвы*. Vilnius: Vilniaus pedagoginio universiteto leidykla, 2007. Т. I: Сказки. Пословицы. Загадки. С. 51–70.
- 12 *Новгородов М. А.* Говор старожильческого населения Дагдского района Латвийской ССР: автореф. ... канд. филол. наук. М., 1958. 18 с.
- 13 *Немченко В. И., Сеница А. И., Мурникова Т. Ф.* Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики / под ред. М. Ф. Семеновой. Рига, 1963. 362 с.
- 14 *Паликова О. Н., Ровнова О. Г.* Словарь говора староверов Эстонии. Книга для учащихся. Тарту, 2008. 160 с.
- 15 *Пилипенко Г. П.* Полевое исследование старообрядцев в Латвии // *Славянский альманах*. 2016. № 3–4. С. 504–509.
- 16 *Пилипенко Г. П.* Переключение кода в русском языке старообрядцев Латгалии // *Jezikoslovni zapiski*. 2017. № 1.
- 17 *Плотникова А. А.* Переключение кода в русском языке старообрядцев Латгалии // *Jezikoslovni zapiski*. 2017. No 1. С. 153–171.
- 18 *Плотникова А. А.* Об экспедиции к латгальским староверам // *Живая старина*. 2016. № 4 (92). С. 50–53.
- 19 *Семенова М. Ф.* О русских старожильческих говорах Латгалии // *Русский фольклор в Латвии. Песни, обряды и детский фольклор* / сост. И. Д. Фридрих. Рига: Лиесма, 1972. С. 11–22.
- 20 *Словарь русских народных говоров*. Л., 1980. Вып. 16: Куделя-лесной.
- 21 *Толстая С. М.* Бесчинства // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 171–175.
- 22 *Толстая С. М.* Игра солнца // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 376–377.
- 23 *Толстой Н. И.* Вербное воскресенье // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 336–338.

- 24 *Čekmonas V.* Russian varieties in the southeastern Baltic area: Rural dialects // *The Circum-Baltic Languages — Typology and Contact* / ed. by Dahl and Koptjevskaja-Tamm. John Benjamins Publishing Company, 2001. P. 101–136.
- 25 *Głuszkowski M.* Язык молодого поколения старообрядцев деревень Габове Гронды и Бур. *Slavia Orientalis*. 2006. № 2. S. 239–259.
- 26 *Głuszkowski M.* Tożsamość kulturowo-językowa старообрzędowców na tle innych grup mniejszościowych w Polsce. *Możliwe płaszczyzny przemilczeń* // *Przemilczenia w relacjach międzykulturowych* / red. J. Goszczyńska i G. Szwat-Gyłybowa. Warszawa: SOW, 2008. S. 422–434.
- 27 *Grek-Pabisowa I.* Niektóre wiadomości o starowierach zamieszkałych na terenie Polski, 1958. *Staroobrzędowcy. Szkice z historii, języka, obyczajów*. Warszawa: Instytut slawistyki PAN, Slawistyczny ośrodek wydawniczy, 1999. S. 35–52.
- 28 *Grek-Pabisowa I.* Rosyjska gwara starowierców w województwach olsztyńskim i białostockim. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład narodowy imienia Ossolińskich PAN, 1968.
- 29 *Grek-Pabisowa I.* Zarys dziejów старообрzędowców w Polsce, 1983. *Staroobrzędowcy. Szkice z historii, języka, obyczajów*. Warszawa: Instytut slawistyki PAN, Slawistyczny ośrodek wydawniczy, 1999. S. 53–68.
- 30 *Grek-Pabisowa I.* *Staroobrzędowcy. Szkice z historii, języka, obyczajów*. Warszawa: Instytut slawistyki PAN, Slawistyczny ośrodek wydawniczy, 1999.
- 31 *Grek-Pabisowa I., Maryniakowa I.* Słownik gwary starowierców mieszkających w Polsce. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład narodowy imienia Ossolińskich PAN, 1980.
- 32 *Grzybowski S.* Гибридизация русского старообрядческого говора в Польше. *Studia Rossica Posnaniensia*. 2010. Vol. XXXV. S. 67–76.
- 33 *Izglītības likums*. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=50759> (дата обращения: 28.06.2017).
- 34 *Iwaniec E.* *Z dziejów старообрzędowców na ziemiach polskich XVII–XX w.* Warszawa, PWN, 1977. 294 s.
- 35 *Latgales lingvoteritoriālā vārdnīca* / Galvenā redaktore I. Šuplinska. Rēzekne, Rēzeknes augstskola, 2012. 875 s.
- 36 *Latvijas 2011. gada tautas skaitīšanas rezultāti. Centrālā statistiskās pārvalde. Rīga. 2016. P. 94–118* // *Centrālo statistikas pārvaldi obligāta*. URL: <http://www.csb.gov.lv/statistikas-temas/tautas-skaitisana-28290.html> (дата обращения: 08.10.2017).
- 37 *Maryniakowa I.* *Imiesłowy w rosyjskiej gwarze starowierców mieszkających w Polsce*. Wrocław: Ossolineum, 1976. 112 s.
- 38 *Maryniakowa I.* *Funkcje składniowe bezokolicznika w gwarze pskowskiej i gwarze Rosjan-starowierców mieszkających w Polsce (studium porównawcze)*. Wrocław, 1982.
- 39 *Metuzāle-Kangere B., Ozolins U.* The language situation in Latvia 1850–2004, *Journal of Baltic Studies*. 2005. № 36 (3). P. 317–344.
- 40 *Paško-Konecniak D.* Wpływ polszczyzny na zasób leksykalny rosyjskiej gwary старообрzędowców na Suwalszczyźnie. Toruń: Wydawnictwo naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2011. S. 224.
- 41 *Paško-Konecniak D., Ziolkowska-Mówka M., Grupa M., Grzybowski St., Jaskólski A., Głuszkowski M.* Rosyjska gwara старообрzędowców w północno-wschodniej Polsce. Wybór tekstów. Toruń: Wydawnictwo naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2016. S. 284.

***

© 2017. Tatiana S. Ganenkova
Moscow, Russia

ON LINGUISTIC AND ETHNOLINGUISTIC SITUATION
OF OLD BELIEVERS IN POLISH COUNTIES OF SUWALKI,
SEJNY AND AUGUSTOW AND IN LATGALE

Acknowledgements: The article is written with support of Russian Foundation for Humanities, grant 16-18-02080 “Russian language as the basis for preservation of the identity of old believers in Central and South-Eastern Europe”.

Abstract: This paper aims to compare linguistic and ethnolinguistic situations of the Priestless Old Believers in Poland (counties of Suwalki, Sejny and Augustow) and in Latgale (the region where the majority of the Latvian Old Believers live). Although these two communities are of common origins they developed in a different way due to historic and social conditions. The analysis is conducted on the basis of data collected during expeditions to Poland and Latvia in 2016 and partly in 2017 as well as other researches on this subject. The comparison of dialects and folk traditions proves that these two communities have common Northern Russian origins. The analysis of historic and social conditions from the XIX century till present days explains why the modern state of preserving dialect, folk traditions and identity questions differs significantly in communities of the Old Believers in Poland and Latvia.

Keywords: Old Believers, dialect, language situation, folk traditions, identity, Poland, Latvia.

Information about the author: Tatiana S. Ganenkova — PhD in Philology, Researcher, The Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Science, Leninsky av., 32A, “B” build., 119334 Moscow, Russia. E-mail: tatianaganenkova@gmail.com

Received: July 09, 2017

Date of publication: December 15, 2017

REFERENCES

- 1 Antane A., Cilevich B. *Latvija. Model' etnologicheskogo monitoringa* [Latvia. The model of ethnological monitoring]. Moscow, Institut etnologii i antropologii RAN Publ., 1997. 124 p. (In Russian)
- 2 Agapkina T. A., Belova O. V. Jajco paskhal'noe [Easter egg]. *Slavjanskije drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic antiquities. Ethno-linguistic dictionary]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2012, vol. 5, pp. 626–632. (In Russian)
- 3 Belova O. V. Cygan [Gipsy]. *Slavjanskije drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic antiquities. Ethno-linguistic dictionary]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2012, vol. 5, pp. 493–497. (In Russian)
- 4 Volkov V. V. Identichnosti etnicheskikh men'shinstv kak ob'ekt analiza v Latvii v 1991–2014 gg. [The identity of ethnical minorities as the object of the analysis in Latvia from 1991 till 2014]. *Evropa men'shinstv — men'shinstva v Evrope: Etnokul'turnye, religioznye i jazykovye gruppy monitoringa* [The Europe of minorities: ethno-cultural, religious and language groups under monitoring], executive ed. by M. E. Kabickij, M. Ju. Martynova. Moscow, IJeA RAN Publ., 2016, pp. 9–42. (In Russian)

- 5 Ganenkova T. S. Polevye zametki o jazyke staroobryadcev Latgalii [On the language of the Old Believers in Latgale]. *Emigrantologia Słowian*, 2017. no 3.
- 6 Gura A. V. *Brak i svad'ba v slavjanskoj narodnoj kul'ture: semantika i simbolika* [Marriage and wedding in the Slavic folk culture: semantics and symbolics]. Moscow, Indrik Publ., 2012. 936 p. (In Russian)
- 7 Zavarina A. A. Russkoe naselenie Vostochnoj Latvii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka [Russian population of the East Latvia in the second half of the XIX – beginning of the XX century]. *Русские Латвии* [The Russians of Latvia]. Riga, 1986. Available at: <http://www.russkije.lv/ru/pub/read/rnvl/> (accessed 09 July 2017). (In Russian)
- 8 Gzhibovskij St., Glushkovskij M. Sociolingvističeskaja situacija staroobryadcev v derevnjah Gabove Grondy i Bur [The sociolinguistic situation of the Old Believers in the villages of Gabove Grondy and Bur]. *Russkie staroobryadcy: jazyk, kul'tura, istorija. Sb. statej k XIV Mezhdunarodnomu s'ezdu slavistov* [The Russian Old Believers: language, culture, history. Collection of articles for the XIV International congress of the Slavists], executive ed. by L. L. Kasatkin. Moscow, Jazyki slavjanskikh kul'tur Publ., 2008, pp. 200-214. (In Russian)
- 9 Lenngren T. *Leksika russkih staroobryadčeskich govorov (na materiale, sobrannom v Latgalii i na Zhitomirshchine)* [The lexicon of the Russian Old Believers' dialect (on the data, collected in Latgalia and Zhitomir region)], Uppsala, Uppsala University Publ., 1994. 174 p. Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Slavica Upsaliensia 34. (In Russian)
- 10 Makartsev M. M. Vlijanie ostrovnogo statusa gruppy na sistemu cennostej: k voprosu ob identičnosti staroobryadcev Pol'shi po dannym jazyka [The influence of the group's island status on the identity of the Old Believers in Poland according to the linguistic data]. *Slověne*, 2017, vol. 6. (In Russian)
- 11 Morozova N., Chekmonas V. *Govory staroobryadcev Litvy: osobennosti i problemy proishozhdenija* [The dialects of the Old Believers in Lithuania: specifics and issues of the origin]. *Fol'klor staroobryadcev Litvy* [The folklore of the Old Believers in Lithuania]. Vilnius, Vilniaus pedagoginio universiteto leidykla Publ., 2007, vol. I. Skazki. Poslovicy. Zagadki [Fairy tales. Proverbs. Riddles], pp. 51–70. (In Russian)
- 12 Novgorodov M. A. *Govor starozhil'českogo naselenija Dagdskogo rajona Latvijskoj SSR* [The dialect of the Dagda's region in Latvian SSR]. Abstract of dissertation candidate of Philology. Moscow, 1958. 18 p. (In Russian)
- 13 Nemchenko V. I., Sinica A. I., Murnikova T. F. *Materialy dlja slovarja russkih starozhil'českich govorov Pribaltiki* [The data for the dictionary of the Russian dialects of the Baltic states], ex. ed. by M. F. Semenova. Riga, 1963. 362 p. (In Russian)
- 14 Palikova O. N., Rovnova O. G. *Slovar' govora staroverov Estonii. Kniga dlja učashchiksja Pribaltiki* [The dictionary of the Old Believers' dialect in Estonia. The book for students of the Baltic states]. Tartu, 2008. 160 p. (In Russian)
- 15 Pilipenko G. P. Polevoe issledovanie staroobryadcev v Latvii [The field research of the Old Believers in Latvia]. *Slavjanskij al'manah*, 2016, no 3–4, pp. 504–509. (In Russian)
- 16 Pilipenko G. P. Pereključenje koda v russkom jazyke staroobryadcev Latgalii [Code-switching in the Russian of Old Believers in Latgale]. *Jezikoslovni zapiski*, 2017, no 1, pp. 153–171. (In Russian)

- 17 Plotnikova A. A. Sherst' [Wool], *Slavjanskije drevnosti. Etnolingvisticheski slovar'* [Slavic antiquities. Ethno-linguistic dictionary]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2012, vol. 5, pp. 576–579. (In Russian)
- 18 Plotnikova A. A. Ob ekspedicii k latgal'skim staroveram [On expedition to the Latgalian Old Believers]. *Zhivaja starina*, 2016, no 4 (92), pp. 50–53. (In Russian)
- 19 Semenova M. F. O russkikh starozhil'cheskikh govorah Latgalii [On Russian dialects in Latgale]. *Russkij fol'klor v Latvii. Pesni, obrjady i detskij fol'klor* [Russian folklore in Latvia. Songs, rituals and children folklore], comp. by I. D. Fridrih. Riga, Liesma Publ., 1972, pp. 11–22. (In Russian)
- 20 *Slovar' russkikh narodnyh govorov* [Dictionary of the Russian dialects], Leningrad, 1980. Vol. 16: Kudelja — lesnoj. 376 p. (In Russian)
- 21 Tolstaja S. M. Beschinstva [Riotous behaviour]. *Slavjanskije drevnosti. Etnolingvisticheski slovar'* [Slavic antiquities. Ethno-linguistic dictionary]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1995, vol. 1, pp. 171–175. (In Russian)
- 22 Tolstaja S. M. Igra solnca [Play of the sunshine]. *Slavjanskije drevnosti. Etnolingvisticheski slovar'* [Slavic antiquities. Ethno-linguistic dictionary]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1999, vol. 2, pp. 376–377. (In Russian)
- 23 Tolstoj N. I. Verboe voskresen'e [Palm Sunday]. *Slavjanskije drevnosti. Etnolingvisticheski slovar'* [Slavic antiquities. Ethno-linguistic dictionary]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1995, vol. 1, pp. 336–338. (In Russian)
- 24 Čekmonas V. Russian varieties in the southeastern Baltic area: Rural dialects. *The Circum-Baltic Languages — Typology and Contact*, ed. by Dahl and Koptjevskaja-Tamm. John Benjamins Publishing Company, 2001, pp. 101–136. (In English)
- 25 Głuszkowski M. Język młodego pokolenia staroobrzędowców w wsiach Gabowe Grondy i Bur [The language of the young generation of the Old Believers in the villages of Gabowe Grondy and Bur]. *Slavia Orientalis*, 2006, no 2, pp. 239–259. (In Russian)
- 26 Głuszkowski M. Tożsamość kulturowo-językowa staroobrzędowców na tle innych grup mniejszościowych w Polsce. Możliwe płaszczyzny przemilczeń [Cultural and linguistic identity of Old believers in the context of other minority groups in Poland. Possible levels of dissembling]. *Przemilczenia w relacjach międzykulturowych* [Articles on dissemblance in intercultural relations], ed. by J. Goszczyńska i G. Szwat-Gyłybowa. Warszawa, SOW Publ., 2008, pp. 422–434. (In Polish)
- 27 Grek-Pabisowa I. Niektóre wiadomości o starowierach zamieszkałych na terenie Polski. 1958 [Some reports on old believers living on the territory of Poland. 1958]. *Staroobrzędowcy. Szkice z historii, języka, obyczajów* [Believers. Sketches of the history, language, customs]. Warszawa, Instytut slawistyki PAN, Slawistyczny ośrodek wydawniczy Publ., 1999, pp. 35–52. (In Polish)
- 28 Grek-Pabisowa I. *Rosyjska gwara starowierców w województwach olsztyńskim i białostockim* [Russian dialect of old believers in the provinces of Białystok and Olsztyn]. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, Zakład narodowy imienia Ossolińskich PAN Publ., 1968. (In Polish)
- 29 Grek-Pabisowa I. Zarys dziejów staroobrzędowców w Polsce. 1983 [Essay on the history of old believers in Poland. 1983]. *Staroobrzędowcy. Szkice z historii, języka, obyczajów* [Believers. Sketches of the history, language, customs]. Warszawa, Instytut slawistyki PAN, Slawistyczny ośrodek wydawniczy Publ., 1999, pp. 53–68. (In Polish)
- 30 Grek-Pabisowa I. *Staroobrzędowcy. Szkice z historii, języka, obyczajów* [Old believers. Sketches of the history, language, customs]. Warszawa, Instytut slawistyki PAN, Slawistyczny ośrodek wydawniczy Publ., 1999. (In Polish)

- 31 Grek-Pabisowa I., Maryniakowa I. *Słownik gwary starowierców mieszkających w Polsce* [Dictionary of old believers's dialect in Poland]. Wrocław, Warszawa, Kraków, Zakład narodowy imienia Ossolińskich PAN Publ., 1980. (In Polish)
- 32 Grzybowski S. Gibrizacija russkogo staroobrjadcheskogo govora v Pol'she [Hybridization of the Russian Old Believers' dialect in Poland]. *Studia Rossica Posnaniensia*, 2010, vol. XXXV, pp. 67–76. (In Russian).
- 33 Izglītības likums. Available at: <https://likumi.lv/doc.php?id=50759> (accessed 28 June 2017). (In Latvian)
- 34 Iwaniec E. *Z dziejów staroobrzędowców na ziemiach polskich XVII–XX w* [From the history of old believers in Polish lands in the XVII–XX]. Warszawa, PWN Publ., 1977. 294 p. (In Polish)
- 35 *Latgales lingvoteritoriālā vārdnīca* [Latgale lingvoterritorial dictionary], 1, head ed. I. Šuplinska. Rēzekne, Rēzeknes augstskola Publ., 2012. 875 p. (In Latvian)
- 36 Latvijas 2011. gada tautas skaitīšanas rezultāti. Centrālā statistiskās pārvalde [Latvia 2011. the annual census results. The central statistical administration]. *Centrālo statistikas pārvaldi obligāta*. Rīga, 2016, pp. 94–118. Available at: <http://www.csb.gov.lv/statistikas-temas/tautas-skaitisana-28290.html> (accessed 08 October 2017). (In Latvian)
- 37 Maryniakowa I. *Imiesłowy w rosyjskiej gwarze starowierców mieszkających w Polsce* [Imiesłowy in the Russian dialect of old believers living in Poland]. Wrocław, Ossolineum Publ., 1976. 112 p. (In Polish)
- 38 Maryniakowa I. *Funkcje składniowe bezokolicznika w gwarze pskowskiej i gwarze Rosjan-starowierców mieszkających w Polsce (studium porównawcze)* [Syntactic functions of the infinitive in the Pskov dialect and Russian old believers living in Poland (a comparative study)]. Wrocław, 1982. (In Polish)
- 39 Metuzāle-Kangere B., Ozolins U. The language situation in Latvia 1850–2004 [Sytuacja językowa na Łotwie 1850–2004]. *Journal of Baltic Studies*, 2005, no 36 (3), pp. 317–344. (In English)
- 40 Paško-Koneczniak D. *Wpływ polszczyzny na zasób leksykalny rosyjskiej gwary staroobrzędowców na Suwalszczyźnie* [The influence of the Polish language on the Russian dialect's lexicon of Old believers in Suwalki Land]. Toruń, Wydawnictwo naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika Publ., 2011., p. 224. (In Polish)
- 41 Paško-Koneczniak D., Ziółkowska-Mówka M., Grupa M., Grzybowski St., Jaskólski A., Głuszkowski M. *Rosyjska gwara staroobrzędowców w północno-wschodniej Polsce. Wybór tekstów* [Russian-speaking old believers in North-Eastern Poland. Selected texts]. Toruń, Wydawnictwo naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika Publ., 2016, p. 284. (In Polish)